

К ВОПРОСУ О НАСТРОЕНИЯХ В АРМИИ ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ ДЕКАБРИСТОВ. ИЗ ИСТОРИИ НОВОРОССИЙСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА

Первая четверть XIX века, получившая в истории России название «Александровская эпоха» – действительно целая эпоха, наполненная отголосками европейских революций и гулом сражений наполеоновских войн, перевернувшими самосознание русского человека. Традиционно в этом находят истоки движения декабристов.

«Свободный образ мыслей», о котором спрашивали декабристов на следствии, мог быть заимствован ими отовсюду: из личных наблюдений победителей Наполеона, взявших Париж, из книг, из разговоров в литературных салонах, из речей самого императора, даровавшего конституцию Польше. Об этом говорили на следствии и потом писали в воспоминаниях многие декабристы. Подытоживая следственные показания, правитель дел Следственной комиссии А. Д. Боровков, отмечал:

«Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России» [1].

«Дух преобразования», по выражению П. И. Пестеля, заставлял «клокотать умы» [2] всех образованных людей, среди которых офицерство занимало, пожалуй, первое место. Армия бурлила. Причины недовольства «противу начальства» могли быть самого разного рода. Грубое обращение, применение телесных наказаний, нарушения неписанного кодекса чести или даже более незначительные поступки армейских начальников могли стать поводом к неповиновению.

Русская армия последнего десятилетия Александровского царствования представляла собой причудливую смесь «вольнодумных» идей, заимствованных в заграничных походах, и беспрецедентной муштры и шагистики. Взаимодействие эти двух противоположных полюсов поддерживало армию в состоянии постоянного недовольства, «наэлектризовывало» ее.

Военная муштра переходила все мыслимые и немыслимые пределы. Цесаревич Константин Павлович, сам воспитанный своим отцом Павлом I на «гатчинских» порядках, с нескрываемой иронией

писал начальнику штаба Гвардейского корпуса генералу Н. М. Сипягину:

«Я более двадцати лет служу и могу правду сказать даже во время покойного государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что и не найдешься ... Я таких теперь мыслей о гвардии, что ее столько учат и даже за десять дней готовят приказами, как проходить колоннами, что вели гвардии стать на руки ногами вверх, а головами вниз и маршировать, так промаршируют; и не мудрено: как не научиться всему – есть у нас в числе главнокомандующих танцмейстеры, фехтмейстеры» [3].

Видели происходящее в армии и боевые генералы. Командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии генерал-лейтенант И. В. Сабанеев, известный своими либеральными взглядами, писал начальнику армейского штаба П. Д. Киселеву:

«Учебный шаг, хорошая стойка, быстрый взор, скоба против рта, параллельность шеренг, неподвижность плеч и все тому подобное, ничтожные для истинной цели предметы, столько всех заняли и озаботили, что нет минуты заняться полезнейшим. Один учебный шаг и переправка амуниции задушили всех от начальника до нижнего чина».

В другом письме:

«Каких достоинств ищут ныне в полковом командире? Достоинство фронтового механика, будь он хоть настоящее дерево ... Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде другого разговора, кроме краг, ремней и вообще солдатского туалета и учебного шага» [4].

Частым явлением в армии, также вызывающим протест, были отставки. «Герои Бородина» не успевали за сложностями учебных построений, в ходе которых, по выражению того же Сабанеева, «старика, ноги которого исходили десять тысяч верст, тело которого покрыто ранами» муштровали наравне в рекрутом «который, конечно, в короткое время делается его учителем» [5].

Генерал И. Ф. Паскевич, в будущем покоритель восставшей Польши, сменивший на посту наместника Кавказа слишком «вольнодумного» Ермолова, писал об одном таком массовом увольнении офицеров в 3-м пехотном корпусе:

«Наши георгиевские кресты пошли в отставку и очутились винными приставами. Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцирмейстерами. Я требовал строгую дисциплину и службу, я не потакал беспорядкам и распутству, но я не позволял акробатства с носками и коленками солдат. Я сильно преследовал жестокость и самоуправство, и

хороших храбрых офицеров я оберегал... Что сказать нам, генералам дивизий, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадеров? И какую потому глупость нельзя ожидать от армейского майора? ... В год времени войну забыли, как будто ее никогда не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью» [6].

Военное законодательство находилось в плачевном состоянии. Изменившаяся после наполеоновских войн армейская реальность требовала нового законодательного оформления. Объемные петровский и павловский военные уставы 1716 и 1796 гг. во многом уже не удовлетворяли требованиям времени, хотя продолжали применяться.

Новый пехотный устав 1816 г., для составления которого был создан специальный комитет, и новый кавалерийский устав 1818 г., явились всего лишь переизданием довоенных уставов с добавлением частей, касающихся линейного учения. По отзывам современников, требования на такого рода учениях стали значительно строже, чем были даже при императоре Павле I, известном своей преданностью шагистике [7].

О том, что новые уставы были однобоки, в основе своей посвящены только одной стороне подготовки войск – учениям на плацу, говорит и тот факт, что петровский «Устав воинский» или, как его еще называли, «Генеральный устав» был в 1820 г. в очередной переиздан [8].

В итоге, все это только запутывало и усложняло обучение войск. Нелепости в законодательстве были видны невооруженным глазом. Цесаревич Константин Павлович признавался, что бежал из столицы по двум причинам. Во-первых, от реверансов на балах и приемах, во-вторых же – от комитета, «сочиняющего устав».

«Уже так перемудрили у нас уставы частыми переменами, — писал он Сипягину 12 ноября 1817 г., — что не только затвердить оные не могут молодые офицеры, но и старые сделались рекрутами, и я признательно скажу вам, что я сам даже по себе это вижу»[9].

«Нигде столько не мараются бумаги и не выдумано столько форм, рапортов, как у нас. Ничто не соображено ни со способностями, ни с силами человеческими. У нас солдат для амуниции, а не амуниция для солдата» – досадовал Сабанеев в письме Киселеву [10].

Подобная мысль занимала, очевидно, и начальника Главного штаба генерала А. А. Закревского, писавшего тому же Киселеву 2 мая 1820 г.:

«По мнению моему, должно испросить Высочайшее разрешение и разослать для руководства во все армии и корпуса, дабы было равенство, от которого мы теперь, кажется, совсем отстранились; в обеих армиях и отдельных корпусах печатают разные наставления по одному предмету, и во всех почти нет единообразия... Беда, если будет война и составится новая дивизия из разных армий и отдельных корпусов, тогда поздравляю дивизионного командира и высших начальников: во всех 6-ти полках дивизию составляющих будет различная служба, правила и внушение, которые мудрено будет скоро согласить против неприятеля, и наверно положить можно, что сия дивизия дурно будет драться» [11].

Закревский был совершенно прав. Порою в разных частях войск, действительно, применялись разные постановления. Так, в 1823 г. в Петербурге и Варшаве вышли не тождественные друг другу правила о лагерной службе [12].

Законодательство о наказаниях находилось в том же состоянии, что и все остальное военное законодательство. Петровские артикулы предусматривали слишком жестокие наказания за незначительные провинности, поэтому, конечно, применялись с оговорками. Во многих случаях «казнить» или «миловать» было на усмотрении начальства. Такое положение, до войны никого не удивлявшее и не возмущавшее, стало резко неприемлемо после нее. Телесные наказания стали выглядеть дикостью.

«В полку от ефрейтора до командира все бьют и избивают людей, ... убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два-три раза забил человека, то не в ответе» - писал Сабанеев [13].

В одном из приказов, относящихся к 1822 году, главнокомандующий 2-й армией граф П. Х. Витгенштейн, хорошо знавший армейскую службу и армейские настроения, призывал офицеров:

«Строгость и грубость, взыскание и обида суть совсем различные вещи, и сколь первая – необходима, столь вторая для службы – вредна. Всякий начальник должен необходимо требовать от своих подчиненных исполнения их обязанностей и в случае нарушения оных строго за то с них взыскивать; но именно в роде и образе взысканий должен он показывать свое благоразумие и всегда быть беспристрастным, ибо он взыскивает не по личности, но по службе; следовательно, никогда он не должен терять своего хладнокровия и всегда помнить, что кто не умеет владеть самим собою, тот не может командовать другими» [14].

Грань между «строгостью и грубостью» была очень тонкой, иногда едва различимой, ее полковые командиры, действительно, часто не замечали. Но верно и обратное. Офицеры, «наэлектризованные» модным тогда «вольнодумством», зачастую видели обиду там, где ее, в сущности, не было.

«Ряд блистательных кампаний, - отмечал военный историк В.А. Потто, - хотя возвел русское войско в редкую степенно величия и славы; но, вместе с тем, неизбежным последствием тех же войн было общее ослабление военной дисциплины. Несколько лет, проведенных сряду в походах, не могли не положить отпечатка на внутренней стороне общества, не охотно починающегося теперь мелочным, часто скучным, но всегда необходимым требованиям мирного времени» [15].

Герои Бородина, Лейпцига и Парижа, еще несколько лет назад чувствовавшие себя вершителями мировой истории и вдруг оказавшиеся в отдаленном гарнизоне, конечно, не хотели подчиняться «требованиям мирного времени», отягощенным к тому же «танцмейстерством» и «фехтмейстерством» военных уставов. Многие полковые летописи содержат повествование о конфликтах между командирами и подчиненными им офицерами.

Один из инцидентов, произошедший в Одесском пехотном полку, приводит в своих мемуарах декабрист Н. В. Басаргин. Офицеры полка, недовольные жестокостью своего полкового командира, открыто выступили против него, причем сделали это очень простым и незамысловатым способом: избранный по жребию офицер избил полкового командира на дивизионном смотре перед строем [16]. Подобное же происшествие было и в Нарвском драгунском полку [17].

Непосредственными участниками некоторых из таких историй были члены тайных обществ. Происшествия эти, таким образом, в сознании современником и потомков оказались связанными с историей декабризма.

Такова знаменитая «норовская история» 1821 г. Василий Норов, капитан лейб-гвардии Егерского полка, член тайного общества, вызвал на дуэль своего бригадного командира великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. «Я вас в бараний рог согну!» – крикнул Николай Норову. Это было воспринято не только как личное оскорбление, но и как оскорбление всех офицеров полка. Норов за это был выписан из гвардии в армию и посажен под арест.

Самой продолжительной была так называемая Варшавская история, длившаяся около года. Ее активным участником был

декабрист П. Х. Граббе. Офицеры лейб-гвардии Литовского полка, квартировавшего в Варшаве, выступили против произвола, царившего в полках корпуса: телесных наказаний и карточной игры, которую «уважали» некоторые ротные командиры. В конфликт был втянут великий князь Константин Павлович [18].

Однако самый известный плод армейского «бурления» начала 1820-х годов – знаменитая Семеновская история. Первая, так называемая «государева», рота полка отказалась повиноваться полковому командиру полковнику Шварцу, мотивируя свое неповиновение жестоким обращением последнего с личным составом. Семеновская история была самой громкой, не только по масштабам огласки, но и по количеству «прикосновенных к делу» и наказанных офицеров и солдат – все они были переведены из гвардии в полки 1-й армии. Среди них – декабристы С. М. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, А. И. Тютчев.

Конечно, царь и военное командование не могли не видеть того, что в основе армейского недовольства лежат злоупотребления командиров, неустроенность служебного быта. В январе 1821 года начальник Главного штаба П. М. Волконский передал командиру отдельного Гвардейского корпуса И. В. Васильчикову пожелание государя видеть больше заботы о нижних чинах, больше осведомленности командования о действительном положении дел [19].

Для получения такой «осведомленности» объектами надзора становились разные чины, военные и гражданские [20]. Но более всего, конечно, следили за настроениями в действующей армии. Генерал-губернатор Новороссийского края граф М. С. Воронцов получил личное предписание государя разобраться с беспорядками в подведомственной ему области: «Я имею сведения, что в Одессу съезжаются из разных мест и в особенности их польских губерний и даже из военнослужащих без позволения своего начальника многие такие лица, кои с намерением или по своему легкомыслию занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние» [21].

В 1821–1823 гг. под секретным надзором находилось 114 офицеров, заподозренных правительством [22]. Причины попадания в список «подозрительных» были различными, При составлении списков напротив каждой фамилии давалась ссылка на переписку по этому поводу во входящем журнале армейской канцелярии. Таких ссылок не было только в двух случаях. Напротив фамилий бывших офицеров-семеновцев, которых было более половины в каждом списке, коротко отмечалось: «из бывшего состава лейб-гвардии

Семеновского полка». Напротив нескольких фамилий встречалась также формулировка: «из состава Новороссийского драгунского полка» [23].

В фондах Российского государственного военно-исторического архива хранятся материалы по этой «новороссийской истории», а также предшествующей ей еще одной скандальной истории в том же полку. Обе они были яркой иллюстрацией всего того, что происходило в армии в «декабристскую» эпоху практически повсеместно.

***

Новороссийский драгунский полк был сформирован 16 мая 1803 года из эскадронов, отделенных по одному от драгунских полков Черниговского, Тверского, Северского и Смоленского. Вместе с русской армией прошел все вехи военных походов начала века: участвовал в антинаполеоновских кампаниях 1805 и 1806–1807 годов, в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., войне против австрийцев в 1809 г., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. В походе 1815 г. дошел до Дрездена, где было получено известие о победе союзных войск под Ватерлоо.

В конце 1815 г., по возвращении из похода, полк был назначен в состав 4-го резервного кавалерийского корпуса. Такие корпуса были созданы сразу после войн с Наполеоном для самостоятельного действия больших масс кавалерии и ими же в случае необходимости усиливали главный резерв армии. 4-й резервный кавалерийский корпус был назначен в состав 1-й армии и состоял из 1-й драгунской и 1-й конно-егерской дивизий. Новороссийский полк состоял во 2-й бригаде драгунской дивизии. Вместе с ним в эту бригаду входил также Кинбурнский драгунский полк [24].

«Брожение» в полку началось практически сразу по возвращении из похода 1815 года. Командир полка полковник Е. В. Кавер, подчиняясь общим веяниям времени и приказам высшего начальства, активно взялся за военную дисциплину и хозяйственное устройство полка. Ему, действительно, многое удалось сделать на этом поприще. Кроме успехов, сделанных по строевому образованию и хозяйственной части, Кавер обратил внимание на приобретение полком искусных мастеров по слесарному, кузнечному и оружейному делу, для чего способные люди отправлялись им для обучения на Ижевские заводы. Госпитальная часть в полку была доведена до совершенства и

лазарет Новороссийского полка по превосходному устройству и малому числу больных во все время командования Кавера заслуживал преимущество перед прочими полками дивизии [25].

Однако офицеры, глотнувшие «воздуха свободы», не могли смириться с «крутыми» мерами своего командира. 6-го апреля 1816 г. Кавером был проведен смотр полка, на котором он нашел неудовлетворительным состояние 4-го эскадрона. Командир эскадрона капитан М. И. Станикович, герой Бородина, получивший контузию на Шевардинском редуте и тяжело раненый в «битве народов» под Лейпцигом, был одним из самых уважаемых в полку офицеров. Его отстранение от должности, последовавшее вскоре после смотра, вызвало всеобщее недовольство. Лидером «недовольных» был старший офицер полка, тоже герой прошедших войн, подполковник И. Ф. Борграф.

В эскадроне Станиковича служил прапорщик Д. П. Чичерин. Разжалованный в солдаты за «дерзость к начальству», в ходе заграничных походов заслужил солдатского Георгия и офицерские эполеты. Он был особенно недоволен Кавером, потому что имел еще и личные мотивы: Кавер явно к нему не благоволил. Отрицательная характеристика, данная Кавером Чичерину при очередной аттестации офицеров, стала «последней каплей». Чичерин стал искать случая объясниться. Случай вскоре представился – Чичерин и Борграф встретили Кавера во время прогулки. Объяснения видимо зашли далеко, потому что Чичерин даже выхватил саблю. К счастью, поблизости оказался один из офицеров, удержавший прапорщика.

В тот же день вечером Борграф и Чичерин отправились на квартиру Кавера. Двери были заперты, когда же офицеры стали стучать, Кавер вызвал стоявший по близости караул и приказал арестовать их.

Для Борграфа дело закончилось относительно благополучно. «Во внимание его прежней службы и отличной храбрости противу неприятеля в минувших кампаниях» полевой аудиторiat 10 июля 1817 г. постановил выдержать его в Бобруйской крепости полгода, а затем оставить от службы. Однако по высочайшему приказу он через 4 месяца вновь был определен на службу в Рижский драгунский полк, затем в 1827 г. получил в командование Кинбурнский драгунский полк и участвовал с ним в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Прапорщик Чичерин был разжалован в рядовые и определен на службу в Митавский драгунский полк.

Полковник Кавер строгого наказания не понес: он был арестован на 8 дней, затем вернулся к командованию полком [26]. Так закончилось «дело Борграфа и Чичерина», но «бурления умов» в полку это не успокоило, как не успокаивались оно и во всей русской армии.

После войны офицеры чувствовали себя вершителями судеб, изменившись внутренне, они пытались изменить мир вокруг себя. О том, что представляло собой в ту пору офицерское общество вообще и полковое общество Новороссийского полка в частности, очень ярко повествует в своем «Дневнике» Александр Никитенко, знаменитый в будущем цензор, литературный критик и друг Пушкина, а тогда четырнадцатилетний студент Воронежского уездного училища. В 1818 г. в городе Острогожске, где Никитенко зарабатывал на хлеб, давая частные уроки, главнокомандующий 1-й армией граф Ф. В. Остен-Сакен проводил дивизионный смотр.

«Квартировать в Острогожске и его окрестностях была назначена первая драгунская дивизия, состоявшая из четырех полков: Московского со штабом, Рижского, Новороссийского и Кинбурнского, прибывшего несколько позже. С водворением их у нас наш скромный уголок преобразился. В нем закипела новая жизнь и пробудились новые интересы. Офицеры этих полков, особенно Московского, где в штабе был сосредоточен цвет полкового общества, представляли из себя группу людей и в своем роде замечательных. Участники в мировых событиях, деятели не в сфере бесплодных умствований, а в пределах строгого, реального долга, они приобрели особенную стойкость характера и определенность во взглядах и стремлениях, чем составляли резкий контраст с передовыми людьми нашего захолустья, которые, за недостатком живого, отрезвляющего дела, витали в мире мечтаний и тратили силы в мелочном, бесплодном протесте. С другой стороны, сближение с западноевропейской цивилизацией, личное знакомство с более счастливым общественным строем, выработанным мыслителями конца прошлого века, наконец, борьба за великие принципы свободы и отечества – все это наложило на них печать глубокой гуманности - и в этом они уже вполне сходились с представителями нашей местной интеллигенции. Не мудрено, если между ними и ею завязалось непрерывное общение. И я не был отринут ими, напротив, принят с распростертыми объятиями и братским участием. Они видели во мне жертву порядка вещей, который ненавидели, и, под влиянием этой ненависти, как бы смотрели на меня сквозь увеличительные очки – преувеличивали мои дарования, а с тем вместе и трагизм моей судьбы. Отсюда

отношение их к бедному, обездоленному мальчику носило характер не одного участия, но и своего рода уважения. Люди вдвое, втрое старше меня и неизмеримо превосходившие меня знанием и опытом, водились со мной, как с равным. Я был постоянным участником их бесед, вечерних собраний и увеселений. Они брали меня с собой на парады; я ездил с ними на охоту, а с одним из ближайших приятелей я даже ходил, когда он бывал дежурным, ночью осматривать посты. ... Как бы то ни было, а сближение мое с этими людьми дало новый толчок моему развитию и значительно расширило мой умственный горизонт» [27].

Надо думать, что уездный городок Острогожск Воронежской губернии действительно стал на время смотра одним из центров «вольномыслия». Наверняка в ходе «бесед и вечерних собраний», о которых пишет Никитенко, обсуждалось и еще совсем свежее в памяти «дело Борграфа и Чичерина».

***

В июле 1820 г. за удачный смотр войск Александром I в Воронеже полковник Кавер был произведен в генерал-майоры, а командиром Новороссийского полка вместо него был назначен подполковник Черниговского конно-егерского полка С. В. Зыбин, произведенный тем же приказом в полковники [28].

С именем Зыбина связана самая громкая история в полку, так называемое «Зыбинское дело», по которому проходила почти половина офицерского состава полка.

Полковник Зыбин, с одной стороны, не обладал организаторскими способностями своего предшественника: по сравнению со временем командования Кавера полк много потерял и в строевой подготовке и в хозяйственном обеспечении и стал даже отставать от других полков дивизии [29]. С другой стороны, военачальником «суворовского типа» он тоже не был и любовью подчиненных не пользовался. Он просто пытался исполнять приказы начальства относительно укрепления дисциплины и линейного обучения войск. Офицеры были им недовольны.

Между тем в командном составе 4-го резервного корпуса произошел ряд изменений. Командир корпуса генерал-лейтенант граф П. П. Пален 1-й был в отпуске, в 1823 г. он выйдет в отставку, так и не вернувшись к командованию корпусом. Вместо него командующим был назначен генерал-лейтенант Н. М. Бороздин, который в описываемое время тоже отсутствовал, его должность исполнял командир 1-й драгунской дивизии генерал-майор

П. П. Загряжский. Конечно, такая неразбериха с командованием не лила воду на мельницу дисциплины.

Командование Зыбина началось с мелкого, но показательного инцидента, совпавшего с его назначением командиром полка. Инцидент этот освещает, так сказать, другую сторону офицерского быта тех лет, ибо среди офицеров были не только просвещенные либералы, знакомые с трудами «мыслителей конца прошлого века» и носящие на себе «печать глубокой гуманности», но и тупые и жестокие служаки.

Один из солдат умер от жестокого обращения офицера. Солдат был якобы виноват в том, что не выполнил возложенного на него поручения и не заготовил фуража. Первое следствие, которое проводил в полку майор Гернгросс, кстати, участник будущей громкой истории, не внесло в дело никакой ясности. Согласно его выводам, деньги, которые солдат получил на закупку фуража, он пропил, за что был наказан палками, но побои, нанесенные ему по приказу эскадронного командира капитана Шлипенбаха, все же не могли стать причиной смерти. Дело, видимо, так удалось бы замять, если бы не настойчивость командующего корпусом генерала Загряжского, который дважды возвращал дело на доследование и командировал специально для этого офицера из другого полка. В ходе двойного повторного расследования выяснилось, что солдат денег не пропивал, а раздал их ненадежным продавцам, которые не заготовили фуража, а побои и другие издевательства, которым подверг солдата Шлипенбах, стали причиной его смерти. Шлипенбах, поняв, что его ждет наказание, подал рапорт об отставке, которую и получил, но «учитывая открывшиеся обстоятельства», в отставку был отправлен «прежним капитанским чином», а не следующим, майорским, как это было положено.

Ситуация эта также добавляет и некоторые штрихи к портрету полковника Зыбина, характеризуя его как слабовольного человека, неспособного к командованию полком. Он не смог организовать следствие по делу и, чтобы выяснить все обстоятельства потребовалось вмешательство «вышнего» начальства. Однако затем, когда стало ясно, что Шлипенбах виновен, полковник дал ему плохую аттестацию в кондуитный список.

«Зыбин, служба со мною только один месяц, и не имея еще случая удостовериться в моем поведении, замарал кодуит моей службы, который во все продолжение оной и до сего времени аттестовался всем начальством отлично» – жаловался Шлипенбах начальнику штаба 1-й армии И. И. Дибичу [30].

***

В 1821 году Новороссийский драгунский полк был направлен в поход против революционной Италии. Вскоре революция была подавлена австрийцами, и полк, не дойдя до Италии, остановился на стоянку в городе Орехове Таврической губернии. Эта Ореховская стоянка и ознаменовалась самым масштабным по количеству «прикосновенных к делу» офицеров после Семеновской истории происшествием в русской армии первой четверти XIX века.

24 сентября полковник Зыбин проводил полковое конное учение. Во время учения он заметил на одном из солдат 6-го эскадрона, которым командовал майор Гернгросс, «неуровненную амуницию» и «непригнанные стремяна», за что «наказал того эскадрона старшего вахмистра Филиппова несколькими фухтелями» [31]. Как эскадронный командир, так и прочие офицеры полка сочли себя оскорбленными.

Ситуация, действительно была очень щекотливой. С одной стороны существовало приложение к Воинскому уставу 1716 года «О экзерциции, о приуготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов», по которому в полку без ведом полковника «никакой офицер чего знатного не начинает, и как Капитан в своей роте, тако и еще более почтение и власть имеет Полковник в полку» [32]. Существовала также «Инструкция пехотного полка полковнику» 1764 г., согласно которой полковнику «как главному в полку начальнику в чине от первого до последнего подчиняются ... ничто так чину его не предосудительно и порядку службы не вредно, как то, если без его воли какие повеления в полку даваны будут ... вины и преступления, кои от его решения зависят, наказывать по важности преступления и без решения таковых дел отнюдь не оставлять» [33]. Зависели же от решения полковника, согласно «Инструкции» в полку все наказания, кроме тех, которые принадлежали к компетенции военного суда.

Исходя из этого, на конном учении не произошло ничего, чем офицеры могли быть недовольны. С другой же стороны, и петровский воинский устав и инструкция, несмотря на то, что продолжали применяться, были приняты, что называется «при царе Горохе». Гораздо важнее для офицеров в то время были неписанные правила, некий кодекс чести, по которому полковнику было неприлично заниматься взысканием с нижних чинов и солдат, это было дело эскадронных или ротных командиров. Артамон Муравьев признавался на следствии, что эти неписанные правила нарушал, «прибегая даже к тому, что по званию полкового командира даже не совсем прилично, находился сам при

сличавшихся езекуциях и наказывал виновных при себе пред полком, или караульном эскадроне» [34].

На другой день, 25 сентября, утром майоры Гернгросс и Крюков, а также капитан Зейдлиц и штабс-капитан Мищенко-Анисимов, пришли в квартиру к полковнику Зыбину для докладов по службе: первые два с рапортами о сдаче и вступлении в дежурство по караулам, а последние два для расчетов по продовольствию, бывших в их команде эскадронов. После положенного рапорта офицеры стали говорить Зыбину, что он не вправе наказывать вахмистров без ведома эскадронных командиров.

Полковник ответил, что «неисправность в одежде и уравнии амуниции будет взыскиваться с г. взводных офицеров и вахмистров и что, руководствуясь правом полкового командира, он обязан по мере вины взыскивать с каждого чина и что по сему взысканию его с нижних чинов не должны г. эскадронные командиры принимать на свой счет и тем обижаться» [35].

Эскадронными командирами эти слова Зыбина были истолкованы как пренебрежение, будто полковник «их, эскадронных командиров, знать не хочет и они ему не нужны» [36].

Вечером того же дня четыре офицера, бывших на квартире Зыбина, подали рапорты о болезни. Причем действительно «одержим простудною лихорадкою» был лишь капитан Зейдлиц, что позже подтвердил полковой штаб-лекарь [37]. Остальным трем офицерам болезнь Зейдлица подала идею о таком своеобразном способе выражения недовольства.

Полковник Зыбин, не увидев в офицерских рапортах ничего подозрительного, «полагая, что означенные эскадронные командиры действительно больны, приказал вступить в командование 4-м эскадроном до выздоровления капитана Зейдлица, от коего о болезни был первый рапорт, штабс-капитану Губенке, но и сей поданным рапортом 26 числа донес, что от приключившейся и ему болезни вступить в командование эскадроном не может» [38]. В командование 6-м эскадроном было приказано вступить поручику Раичу, который также подал рапорт о болезни.

27 сентября на квартире Зейдлица, состоялось нечто вроде общего совещания офицеров. На этом собрании «многие г. офицеры изъясняли один другому о неудовольствии эскадронных командиров на полковника Зыбина и о согласии всех к подаче рапортов о болезни. Капитан же Зейдлиц говорил, что и обида, сделанная полковником Зыбиным эскадронным командирам должна быть ощутительна и для всех офицеров, почему и должны все подать рапорты о болезни и сим случаем удалить его от

командования полком. После чего согласившиеся на таковое предложение в знак единодушия кричали ура!» [39].

Особенно отличился «в подговоре других офицеров рапортоваться больными» капитан Губенко. Он «произносил бранные слова» в адрес своего эскадронного командира капитана Писанки «при всех бывших нижних чинах, ... и сие сделано им единственно потому, что он, Писанка, не согласился по его предложению рапортоваться ложно больным» [40].

Следствием совещания в квартире Зейдлица было то, что Зыбин получил еще такие же рапорты еще от 13 офицеров. Позже, на следствии, они называли самые разные причины подачи рапортов. Одни подали рапорт о болезни, не имея «никаких личных неудовольствий на полковника Зыбина» а только «по случаю обидевшихся старших, имея намерение просить о переводе в другие полки» или увольнении от службы, другие – «по грубому будто бы обращению полковника Зыбина» или «по прежним на него неудовольствиям», третьи – «смотря на других офицеров» или просто «по случившейся в то время головной боли» [41].

Только после такого «вала» бумаг одного содержания Зыбин понял, что в полку что-то происходит. 30 сентября он написал рапорт бригадному командиру генерал-майору барону Розену [42], который, в свою очередь, сообщил о происходящем командующему корпусом П. П. Загряжскому.

По рапорту Загряжского вскоре последовал приказ главнокомандующего 1-й армией графа Ф. В. Остен-Сакена:

«Поступки гг. штаб- и обер-офицеров Новороссийского драгунского полка ... не только нарушают военную дисциплину, но еще происшествие таковое явно обнаруживает дух неповиновения и дерзости против полкового их командира, которое ни в каком случае терпимо быть не может и требует по службе строгого и примерного с виновных взыскания, почему я предлагаю вашему превосходительству главнейших из них зачинщиков и подавших другим повод к таковому неповиновению и дерзости ... предать военному суду арестованными при другом ближайшем полку» [43].

Комиссия военного суда была назначена при Кинбурнском драгунском полку, входящем с Новороссийским в одну бригаду. Во время следствия офицеры вели себя по-разному. Некоторые, например капитан Губенко, до конца упорствовали и не признавали того, что рассказывали о них проходящие по делу свидетели. Полковник Зыбин в очередной раз проявил себя слабым начальником. В представленных в комиссию военного суда формулярных и кондуитных списках он дал отрицательную

аттестацию нескольким подсудимым. Скрупулезный генерал-майор Загряжский раздраженно писал по этому поводу:

«Поелику же все сии офицеры преданы суду по представлению его, полковника Зыбина, и считают себя от него обиженными, а потому я полагаю, что ему, Зыбину, не следовало делать об них аттестации, а должен был, по мнению моему, отправя формулярные и кондуитные списки в комиссию военного суда, предоставить оной о службе их и о поведении аттестацию испросить у бригадного или дивизионного начальства и более еще потому должен он был сие сделать, что в прежних кондуитных списках вышеозначенные офицеры были им аттестованы хорошо, каковое мнение мое и предано на благоусмотрение начальства» [44].

8 человек, согласно сентенции, оказались наиболее виновными; все они были опытными офицерами, участниками наполеоновских войн. Менее виновными, «прикосновенными к делу», были признаны их младшие товарищи, молодые офицеры. Таковых оказалось 11 человек.

Наиболее виновные «по лишению чинов, дворянского достоинства и отобрания имеющихся орденов» были приговорены к смертной казни. Еще 11 «прикосновенных к сему делу» офицеров полка, «хотя и подлежат по законам к точному приговору как выше определенным, но поелику они по молодости лет, неопытности и недавнему еще нахождению на службе завлечены в преступление, коего важность едва ли во всей силе могли постигать, то таковой их поступок вменить им в штраф арест со внесением в формулярные списки и при производстве обходить два раза чинами» [45].

Конфирмация главнокомандующего армией графа Сакена, последовавшая 11 мая 1822 года была, конечно, мягче приговора суда [46]. Главных зачинщиков, по лишении чинов, орденов и дворянства, «разжаловать в рядовые впредь до отличной выслуги», и определить их на службу в конно-егерские полки».

Впоследствии, в войне против турок 1828–1829 гг. почти все разжалованные выслужили эполеты прапорщика, а вместе с ними и дворянство.

«Прикосновенных к делу» офицеров «за подачу по подговору подсудимых ложных о болезни своей рапортов и уклонение от службы, в уважение, что они по молодости своей вовлечены в сей поступок старшими от них, сверх прежнего ареста, выдержать еще над оным два месяца и потом распределить по разным полкам со внесением штрафа сего в формулярные их списки».

«По случаю предания военному суду Новороссийского драгунского полка офицеров», в полку обнаружился недокомплект

кадрового состава: из 55 офицеров полка по делу проходили 19, что составляло более одной трети штатного состава. К службе в полку были привлечены офицеры из других полков 1-й драгунской дивизии [47].

Кроме того, конфирмация предусматривала: «полкового командира полковника Зыбина за неместный отзыв к подчиненным, упущение и невнимательность по службе, и непредпринятие должных мер когда отрапортовались больными первые четыре штаб- и обер-офицеры, отрешить от командования полком и назначить в другой полк к старшему его в команду».

Полковник Зыбин был переведен в Кинбурнский драгунский полк, откуда вначале 1823 года был уволен в отставку «за болезнь». Стоит добавить, что имя Зыбина известно более не как фигуранта полковой истории, а как покупателя части знаменитого Болдина, имения В. Л. и С. Л. Пушкиных [48].

Зыбин очень переживал свое отрешение от должности.

«Такое заслуживающее сострадания происшествие, быть может, послужит примером и предупредит впредь подобное, происходящее большею частью от легкомысленности, ибо только в таком случае не имеем в виду порядка службы, строгости дисциплины, должного повиновения и невыполнение возложенных на нас обязанностей.

Быв отрешен от столько лестного для командования, мне весьма прискорбно лишиться чести служить вместе с гг. штаб- и обер-офицерами Новороссийского полка, но я уверен, что новый полковой командир найдет во всех чинах отличных сотрудников, которые доставят ему способ сохранить честь и славу Новороссийского полка, приобретенные неусыпными трудами мирного времени, мужество и храбростию в битвах» – признавался он в своем прощальном приказе по полку [49].

Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Последствием «Зыбинского дела» были постоянные проверки, проводимые генералом Загрязским, внимательно следившим за обстановкой в полку. В ходе одного из осмотров он нашел значительный недочет по казенным суммам. Полковник Д. Н. Беклемешев, назначенный на место Зыбина, был отстранен от командования полком, предан суду и по конфирмации разжалован в рядовые. Растроченная сумма была взыскана с его имений [50]. И лишь после этого «неприятности» в полку закончились.

***

Истории, происшедшие в Новороссийском драгунском полку выпали из поля зрения исследователей, однако в том, что они были хорошо известны членам тайных обществ, сомневаться не приходится. «Ниточек» более чем достаточно. Командующий 4-м резервным корпусом Н. М. Бороздин приходился родным дядей женам декабристов В. И. Лихарева и И. В. Поджио. Декабрист А. С. Войнилович, квартирмейстер Черниговского пехотного полка, участник восстания, в 1816–1817 гг. служил в Новороссийском драгунском полку и был свидетелем «истории Борграффа и Чичерина». Знать ее мог и К. Ф. Рылеев, служивший в Острогжском уезде как раз во время блестящего дивизионного смотра, о котором писал А. В. Никитенко. В Северском конно-егерском полку, в который был определен разжалованный в солдаты майор Гернгросс, полковником служил декабрист П. Х. Граббе, декабрист Федор Вадковский служил в Нежинском полку, куда был переведен Губенко.

Тайное общество в Новороссийском полку распространено не было, очевидно в силу географического положения его квартир – полк был расквартирован в Воронежской губернии, далеко от основных центров деятельности декабристов. Однако через Воронежскую губернию пролегали дороги, связывающие юг и север, одно тайное общество с другим. В случае начала революции и движения восставших войск с севера на юг или с юга на север, декабристы, возможно, попытались бы использовать известные им настроения, царившие в 1-й драгунской дивизии.

***

Секретный надзор, установленный за офицерами не принес, да и не мог принести никаких результатов. Он не помог обнаружить тайное общество в полках 1-й и 2-й армий и предотвратить вооруженные выступления в Петербурге и под Киевом. Дело в том, что способ действий тайного общества был принципиально иным, нежели он виделся правительству. Армейское «брожение», недовольство начальством было не плодом его деятельности, а лишь «нивой» для нее.

«Цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, а чтобы приобрести для этого средства – признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай» – вспоминал И. Д. Якушкин [51].

Отвечая на вопрос следствия о средствах к совершению одного из планов цареубийства, М. П. Бестужев-Рюмин показывал:

«Предполагали мы употребить разжалованных офицеров находящихся в дивизии» [52].

«Семена» же, из которых должна была вырасти русская революция, были надежно спрятаны за блестящими служебными формулярами лидеров заговора Павла Пестеля и Сергея Трубецкого, ни в каких «списках подозрительных» никогда не числившихся. Сергей Муравьев-Апостол в такие списки входил, но только формально, как офицер «бывшего состава лейб-гвардии Семеновского полка», реально же у него была безупречная репутация в армии, к нему благоволило начальство.

Нарушения армейской дисциплины рассматривались правительством, как следствие либерального отношения к подчиненным, которое, в свою очередь, являлось проявлением «революционного духа». В реальности все было сложнее. Например, отмена телесных наказаний в том или ином воинском подразделении вовсе не была следствием «революционности» начальника этого подразделения. Так, либерал и противник муштры генерал Сабанеев вовсе не собирался поощрять в своем корпусе революционную пропаганду, которую вел среди нижних чинов майор 16-й пехотной дивизии В. Ф. Раевский с одобрения дивизионного командира М. Ф. Орлова. И вообще «солдатский защитник Сабанеев терпеть не мог солдатского защитника Орлова» [53].

Верно и обратное. Мечты о лаврах первого русского революционера не мешали полковнику Пестелю советоваться по поводу строевой подготовки войск с командиром 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом С. Ф. Желтухиным, одним из самых яростных муштровиков, изобретателем так называемого «желтухинского» шага, используемого при обучении рекрут. Эти мечты не мешали ему и применять в полку телесные наказания, искореняемые, кстати, его ближайшим другом и товарищем по заговору, генерал-майором С. Г. Волконским.

«Не мне их судить», – будто бы произнес Александр I, получив информацию об антиправительственном заговоре. Но заговор не нашли не потому что не искали, или не хотели найти, а потому что искали «не там».

Источники и литература:

1. ***Нечкина М. В.*** Движение декабристов: В 2 т. – М., 1955. – Т. 1. – С. 112.

2. Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). – М.; Л., 1927. – Т. 4. – С. 105.
3. Цит по: **Шильдер Н. К.** Император Александр I. Его жизнь и царствование. В 4 т. – СПб., 1898. – Т. 4. – С. 16–17.
4. Цит по: **Заблоцкий-Десятовский А. П.** Граф Киселев и его время. – СПб. 1882. – Т. 1. – С. 86
5. Там же.
6. Цит по: **Шильдер Н. К.** Император Николай I. Его жизнь и царствование. В 2 кн. – М., 1996. – Кн. 1. – С. 100.
7. Столетие военного министерства. Главный штаб. – Т. IV. Часть I. Кн. II. Отд. III. Вып. I. – СПб., 1903. – С. 224–225.
8. Там же. – С. 334.
9. Цит по: **Шильдер Н. К.** Император Александр I. Его жизнь и царствование. – Т. 4. – С. 16.
10. Цит по: **Заблоцкий-Десятовский А. П.** Указ. соч. – Т. 1. – С. 83.
11. Русское историческое общество. – СПб., 1891. – Т. 78. – С. 224.
12. Столетие военного министерства. Главный штаб. – Т. IV. Часть I. Кн. II. Отд. III. Вып. I. – С. 340–344.
13. Цит по: **Кожевников А. А.** Русская армия после войн 1812–1814 гг. // Отечественная война и русское общество. – СПб., 1912. – Т. VII. – С. 238.
14. Цит по: **Морозов Н.** Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. – М., 2000. – С. 93–94.
15. **Потто В. А.** История Новороссийского драгунского полка. – СПб., 1866. – С. 63.
16. **Басаргин Н. В.** Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск, 1988. – С. 63–64.
17. **Нечкина М. В.** Движение декабристов. – М., 1955. – Т. 2. – С. 19.
18. **Ланда С. С.** Дух революционных преобразований. – М., 1975. – С. 235–239.
19. **Лапин В. В.** Семеновская история. – Л., 1991. – С. 222.
20. См., напр.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3474; Ф. 36, оп. 3/847, св. 4, д. 12; св. 7, д. 13.
21. Там же. – Ф. 36, оп. 3/847, св. 7, д. 14, л. 1.
22. **Нечкина М. В.** Указ. соч. – Т. 2. – С. 19.
23. См., напр.: РГВИА. – Ф. 14414, оп. 1, д. 186, л. 10–14, 19–26.
24. **Потто В. А.** Указ. соч. – С. 62.
25. Там же. – С. 68–73, 408.
26. Там же. – С. 63–68.
27. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. – Т. 1. – М., 1980. – С. 40–41.
28. **Потто В. А.** Указ. соч. – С. 65–67, 73–74.
29. Там же. – С. 76.
30. РГВИА. – Ф. 16231, оп. 1, д. 366, л. 10–11.
31. Там же. – Д. 454, л. 2 об.

32. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. V. – С. 449
33. Там же. – Т. XVI. – С. 973–974.
34. ВД. – Т. 11. – М., 1954. – С. 117–118.
35. РГВИА. – Ф. 16231, оп. 1, д. 454, л. 2 об.
36. Там же. – Д. 502, л. 3 об.
37. Там же.
38. Там же. – Д. 454, л. 3.
39. Там же. – Д. 502, л. 3 об.–4.
40. Там же. – Л. 34 об.
41. Там же. – Л. 4.
42. Там же. – Л. 82–83.
43. Там же. – Д. 454, л. 7–7 об.
44. Там же. – Д. 502, л. 17 об.
45. Там же. – Л. 16.
46. Текст конфирмации: Там же. – Д. 454, л. 22–23.
47. Там же. – Л. 11, 13.
48. См.: **Щеголев П. Б.** Пушкин и мужики. – М., 1928. – С. 111.
49. **Потто В. А.** Указ. соч. – С. 79.
50. Там же. – С. 80.
51. **Якушкин И. Д.** Записки, статьи, письма. – М., 1951. – С. 44.
52. ВД. – Т. 9. – М., 1950. – С. 90.
53. **Давыдов М. А.** «Оппозиция Его Величества». Дворянство и реформы в начале XIX века. – М., 1994. – С. 16.